

Старый мировой порядок подходит к концу — Новый мировой порядок возникает

Предательство Газы стало одним из самых глубоких моральных провалов начала XXI века — медленным, растянутым отказом, который разорвал послехолокостовское обещание «Никогда больше» и обнажил хрупкость международного права перед лицом грубой силы и политической целесообразности. В течение 29 месяцев, начиная с октября 2023 года, мир наблюдал, как Газа подвергалась неумолимому разрушению: дома превращались в руины, больницы становились мишенями, дети умирали от голода, целые семьи стирались с лица земли. Образы были неизбежны — голодающие младенцы, ампутанты без анестезии, массовые захоронения, вырытые вручную, — и всё же реакция тех, кто претендовал на роль хранителей глобальных норм, была в лучшем случае бессильной риторикой, а в худшем — активным соучастием через вето, поставки оружия и дипломатическое прикрытие.

«Никогда больше» родилось из пепла Освенцима и Треблинки — обет, высеченный в совести человечества после индустриального убийства шести миллионов евреев и миллионов других. Оно стало моральной основой миропорядка после 1945 года: Конвенция о геноциде 1948 года, Всеобщая декларация прав человека, Нюрнбергские принципы, провозгласившие, что преступления против человечности выходят за рамки границ и суверенитета. Однако в Газе это обещание треснуло. Эксперты ООН, включая Специального докладчика по ситуации с правами человека на палестинских территориях, описывали паттерны, соответствующие геноциду: убийство членов группы, причинение серьёзного телесного или психического вреда, умышленное создание условий, рассчитанных на физическое уничтожение. Независимая международная комиссия по расследованию установила ответственность израильских властей за военные преступления и преступления против человечности, включая использование голода как метода войны, истребление, гендерные преследования и принудительное перемещение. Международный суд ООН (МС ООН) в предварительных мерах, изданных в январе 2024 года, признал правдоподобным совершение актов, запрещённых Конвенцией о геноциде, и обязал Израиль предотвратить такие акты, обеспечить доставку помощи и наказывать подстрекательство. Последующие приказы и консультативные заключения усилили обязательства по облегчению гуманитарного доступа, включая для БАПОР, и объявили отдельные аспекты оккупации незаконными.

Это были не какие-то тёмные юридические примечания; это были обязательные постановления высшего суда мира и авторитетных органов ООН. Тем не менее соблюдение было минимальным. Израиль ограничивал или блокировал помощь — БАПОР сталкивалась с приостановками, переходы закрывались на месяцы, гуманитарные ко-

ридоры милитаризовались или приватизировались в смертельный хаос. К 2025–2026 годам вновь возникли условия голода, рационы сокращались до долей от калорийных потребностей, протезы для тысяч ампутантов блокировались, медицинские эвакуации останавливались. Более 70 000 палестинцев убито (вероятно, гораздо больше, если учитывать косвенные смерти от болезней, голода и отсутствия ухода), один из каждых пяти детей в мире живёт в зонах конфликта, с Газой как эпицентром страданий. Мир знал — спутниковые снимки в реальном времени, репортажи журналистов, отчёты НПО — и всё же машина ответственности застопорилась.

Отказ международного сообщества был институциональным. Совет Безопасности ООН, парализованный неоднократными вето США, не смог обеспечить прекращение огня или гуманитарные паузы. Резолюции, требующие немедленного прекращения боевых действий, безусловного доступа к помощи и освобождения заложников, блокировались — часто единственным голосом против был Вашингтон, — несмотря на почти всеобщую поддержку остальных членов. Предлагались гуманитарные «паузы» и накладывалось вето; призывы соблюдать приказы МС ООН игнорировались. США, самый верный союзник Израиля, продолжали оказывать военную помощь, осуждая жертвы среди гражданского населения в тщательно выверенной риторике, представляя конфликт как самооборону от ХАМАС, обходя более широкий контекст осады и оккупации. Союзники в Европе и других регионах выпускали заявления озабоченности, но редко переводили их в реальное давление — санкции откладывались, экспорт оружия продолжался, дипломатическое признание оставалось в силе.

Это было не просто бездействие; это было избирательное ослепление. Обещание «Никогда больше» десятилетиями применялось выборочно — справедливо к Холокосту, к Боснии, к Руанде задним числом, — но в Газе расчёты изменились. Политические альянсы, влияние лобби и стратегические интересы перевесили универсальные принципы. Результат: народ, запертый в тюрьме под открытым небом, подвергавшийся бомбардировкам и блокаде, в то время как глобальный порядок, провозглашавший предотвращение подобных ужасов, отводил взгляд или способствовал этому. Предательство углублялось с каждым вето, каждой задержанной колонной, каждым заявлением «мысли и молитвы» из столиц, которые могли действовать, но предпочли не делать этого.

Гордыня всегда берёт свою цену. Архитекторы этого порядка — те, кто строил институты на пепле Второй мировой войны, чтобы предотвратить повторение, — полагали, что моральная власть самоподдерживаема, что сила может бесконечно перевешивать закон и совесть без последствий. Они ошибались. Империи, которые поднимаются, падают — часто не от поражения на поле боя, а от эрозии легитимности. Когда обещание «Никогда больше» превращается в лозунг вместо обязательной этики, когда международное право применяется выборочно, когда страдания одного народа считаются терпимыми ради геополитического удобства, сеются семена разрушения.

Теперь приходит счёт, и он приходит с неумолимой силой, предсказанной в «Дюне» Фрэнка Герберта — саге, где власть, контроль над ресурсами и неизбежные циклы подъёма и падения переплетаются так, что кажутся пророческими, а не вымышлен-

ными. Три метафоры из вселенной «Дюны» с жуткой точностью обрамляют нынешнее геополитическое землетрясение.

Во-первых, эпитафия принцессы Ирулан из «Детей Дюны»: «Если история чему-то нас учит, то лишь тому: каждая революция несёт в себе семена собственного разрушения. И империи, которые поднимаются, однажды падут». Это трезвое предупреждение эхом разносится через события марта 2026 года. Соединённые Штаты, архитектор и исполнитель миропорядка после Второй мировой войны, построенного на безоговорочном военном проецировании, гегемонии доллара и выборочной моральной власти, теперь сталкиваются с саморазрушительными ранами собственного перерастания. То, что началось как моральное отвращение к безнаказанности в Газе, переросло в структурный вызов: упорство империи в абсолютной поддержке Израиля даже среди документированных ужасов посеял обиду по всему Глобальному Югу и расколол альянсы ближе к дому. Каждое обострение — удары по руководству во время хрупких перемирий, перенаправление оборонительных систем из Украины и Индо-Тихоокеанского региона — сеет семена более глубокого отпора. Убийство Верховного лидера Али Хаменеи 28 февраля 2026 года посреди продолжающихся переговоров разрушило остатки дипломатического доверия. Его сын Моджтаба Хаменеи, закалённый личными и семейными потерями, поклялся в мести и продолжении сопротивления, отказываясь от перемирий без системного исправления по Палестине. История, как напоминает Ирулан, не допускает вечного подъёма; те же механизмы, которые возвысили США до статуса сверхдержавы, теперь обнажают уязвимости перед решительным асимметричным сопротивлением.

Во-вторых, знаменитая фраза, приписываемая барону Владимиру Харконнелу: «Тот, кто контролирует пряность, контролирует Вселенную». В космосе Герберта меланж — омолаживающая пряность — является стержнем межзвёздной цивилизации: продлевает жизнь, расширяет сознание и позволяет Навигаторам Гильдии складывать пространство. Поэтому контроль над Арракисом равен контролю над всем. В нашей аналогии роль пряности играет нефть (и в меньшей степени сжиженный природный газ). Десятилетиями США доминировали в потоках — не всегда прямым владением запасами, а через военно-морское превосходство, обеспечивающее морские пути, альянсы, гарантирующие дружественных производителей, и систему петродоллара, обеспечивающую спрос на доллар. Ормузский пролив, через который ежедневно проходило около 20 процентов мировой нефти, стал современной точкой удушья Арракиса. Фактическое закрытие — или серьёзное ограничение — пролива Ираном, подкреплённое ракетными угрозами, минированием и отменой страхования, перевернуло этот контроль. Трафик сократился до ручейка; производители Персидского залива урезают добычу из-за переполнения хранилищ; попытки перенаправления через Баб-эль-Мандеб сталкиваются с новыми угрозами хуситов. Сам петродоллар дрожит, поскольку Иран экспериментирует с проходом в юанях или рублях для грузов союзников. Архитекторы старого порядка — Вашингтон и его ближайшие союзники — внезапно обнаруживают, что номинальный контроль ничего не значит, когда сам поток можно прервать.

Но самая глубокая мысль приходит из более тонкого замечания в мини-сериале «Дети Дюны» (отражающего темы Герберта): «Дело не в том, кто контролирует пряность, а в том, кто способен её нарушить». Этот переворот точно передаёт суть нынешнего момента. США всё ещё могут хвастаться самым большим флотом, самыми передовыми истребителями и самыми глубокими стратегическими резервами, но Иран — при косвенной поддержке российской разведки, китайского экономического хеджирования и сети прокси — показал, что высшая сила заключается в нарушении. Поддерживая ракетные обстрелы, удушая Ормуз и угрожая вторичным точкам удущья, Тегеран навязывает издержки, которые империя не может устойчиво выдерживать. Американские боеприпасы сжигаются за недели на годы запасов; перехватчики перенаправляются из других театров; союзники тихо пересматривают соглашения о базах, поскольку американские защищённые объекты подвергаются обстрелам, которые не могут полностью отразить. Авианосцы, когда-то символы безоговорочного проецирования, теперь действуют под постоянной угрозой в мире гиперзвуковых ракет и роев дронов. Блеф раскрыт: подавляющая обычная мощь спотыкается о готовность терпеть боль и навязывать асимметричное истощение.

Ярость, зажёгшая этот расчёт — готовность приветствовать системный коллапс, если он положит конец безнаказанности, — отражает более глубокую истину: когда моральное истощение встречается с материальным перерастяжением, падение ускоряется. Обычные люди на Западе, оцепеневшие или отвлечённые опосредованными образами страданий, не смогли остановить машину через всеобщие забастовки или массовый отказ в согласии. Теперь боль приходит ощутимо — на заправке и в кошельке. Рекордный выпуск 400 миллионов баррелей Международным энергетическим агентством (11 марта 2026 года) — крупнейший в истории — покупает недели, возможно месяцы, но истощение маячит к концу июня, если нарушения продолжатся. Цены на нефть поднимаются к 100+ долларам за баррель (с худшими сценариями 135–200 долларов); европейские бенчмарки газа вроде TTF взлетают; эквиваленты топлива около 20 евро за литр становятся мыслимыми на высоконалоговых рынках. Этот удар по карману — гораздо более немедленный, чем далёкие зверства, — разжигает массовые демонстрации, всеобщие забастовки и избирательные бунты, которых давно не было.

Европа, особенно Германия, стоит в эпицентре уязвимости. Немецкий *Energiewende* — поэтапный отказ от ядерной энергии и ускоренное сокращение угля — сузил варианты до импортного газа и прерывистых возобновляемых источников, сделав цены на электричество заложниками глобальной волатильности ископаемого топлива. Франция смягчает удар ядерной базовой нагрузкой; Польша и Испания сохраняют уголь или сильное солнечное отделение; США, Китай, Россия и Япония опираются на разнообразные внутренние источники. Германия же сталкивается с острой промышленной болью, финансовым напряжением и политической эрозией. Коалиция канцлера Мерца цепляется за фискальную ортодоксию и непоколебимые обязательства — помощь Украине, санкции против России, безусловная поддержка Израиля, — в то время как южные страны (Ирландия, Испания, Италия) возмущаются моральным лицемерием по Газе, а Венгрия и Словакия продвигают прагматичный энергетический реализм путём ослабления ограничений на российский импорт. Нефтяной кризис уси-

ливает каждый разлом: неравномерное распределение боли грозит каскадом вето, разворотом политики или полным распадом единства ЕС. Германия либо согнётся — смягчит позиции, чтобы избежать внутреннего бунта и досрочных выборов, — либо станет точкой опоры, на которой блок расколется.

Позиция Ирана подчёркивает парадигму нарушения. Преемственность Моджтабе Хаменеи слила месть со стратегической ясностью. Нет пути назад после ударов во время активных переговоров; доверие разрушено. Тегеран требует не просто деэскалации, а системного исправления — деколонизации Палестины, демонтажа «сионистского образования» — условий, политически невозможных для американской администрации, связанной про-израильскими сетями и лоббистским влиянием. Попытки выхода с сохранением лица спотыкаются об этот максимализм. Десятилетия подготовки режима — распространение ракет, укрепление прокси, валютное хеджирование — теперь исполняются с точностью, превращая американские базы из активов в обязательства, а альянсы — в бремя.

В мудрости «Дюны» каждая революция несёт семена собственного разрушения, а империи падают, потому что забывают: власть без легитимности хрупка. Предательство Газы стало этим забвением в явном виде: гордыня, предположившая вечную безнаказанность. Цена — не абстрактная отложенная справедливость; это разматывание, происходящее сейчас: экономический хаос, геополитическая перегруппировка, трещины в фасаде, который когда-то претендовал на поддержание мира, основанного на правилах. Счёт предъявлен, и история, не прощающая, подаёт его полностью.

То, что возникает, — не просто крах, а трансформация: рассвет многополярного мира, где нарушение заставляет равенство, где моральное банкротство старого порядка уступает место новому, пусть и бурному, просветлению. Пряность больше не течёт на условиях Вашингтона. И в этом простом факте лежит начало конца — и, возможно, наконец, семена чего-то более справедливого.